

Глава 15. Щелчок за то, что линияешь где попало

На северо-западе города находился Сад Лоцзэ — приют для сирых, построенный на пожертвования местных меценатов ещё во времена предыдущей династии. В саду было бесчисленное множество безымянных могил, а на обветшалых надгробиях разросся тёмно-зелёный мох.

Собравшиеся старосты деревень и сёл, главы знатных семей и некоторые чиновники и служащие ямэня стояли в тени сосен у входа в сад, перешёптываясь в ожидании приезда уездного судьи.

На поляне перед садом стояли длинные столы, на которых были разложены кисти, тушь, бумага и тушечницы. Юный слуга Ли Тань уже давно растёр тушь и теперь смачивал кисть.

Еян Цы приехал верхом, в лёгкой одежде, за ним следовал Го Сысян. Он остановился перед толпой, спешился и бросил поводья первому попавшемуся стражнику, а сам подошёл к столу.

Шёпот утих, как только его увидели. Все присутствующие разом поклонились.

— Приветствуем господина уездного судью.

Еян Цы окинул всех взглядом.

— Все в сборе. Вы люди занятые, так что буду краток. Поля в Сяцзине и его окрестностях усеяны костями — это наследие десятилетий войн, и теперь они мешают распахивать землю. Ночью блуждающие огни пугают людей, сея панику. А где паника, там и слухи, и рассказы, которыми могут воспользоваться злодеи. Это дурное предзнаменование, и его нельзя игнорировать.

— Господин прав, но как вы собираетесь поступить с таким количеством человеческих и конских костей? — первым спросил Го Эрмяо.

— А у вас есть предложения? — ответил вопросом Еян Цы.

Хань Юэ, будучи человеком нетерпеливым, выпалил:

— Собрать их все и похоронить в этом саду Лоцзэ!

Один из писарей возразил:

— Как это «собрать все»? Костей десятки тысяч. У кого есть руки, чтобы их собирать, кто будет

копать могилы, кто засыпать землю? Да и поместится ли такая гора в саду?

— Действительно, рук не хватает, — робко подтвердил один из деревенских старост. — В каждой семье по пятнадцать му земли, и то не успеваем обработать...

Хань Юэ задумался. И правда, даже отпрыски знатных семей вышли в поля, а чиновники ямэня и вовсе сбились с ног. В марте в Сяцзине не было свободных людей, кроме регистратора Хань Ханя, который притворился больным и отлынивал от работы... Этот негодник совсем отбился от рук! Вместе с непутёвым внуком Хань Лумином, который сбежал из дома учиться, они его в могилу сведут.

Ван Яо добавил:

— И в саду Лоцзэ их хоронить нельзя. Среди них ведь много костей всадников Северной Стены. Эти варвары в своё время грабили и убивали, и если похоронить их вместе с нашими предками, то те и после смерти покоя не найдут. К тому же, каждый год придётся ухаживать за садом, а кто знает, чьи кости мы будем почитать?

Его слова нашли отклик у многих.

Еян Цы поднял руку, призывая к тишине.

— Раз у вас нет предложений, слушайте меня. У входа в Сад Лоцзэ мы построим большую печь. Все выкопанные останки будем свозить сюда, отсортировывать сломанное оружие, доспехи и конскую сбрую. Из металлолома выкуем новые клинки, а кости сожжём в порошок. Клинки пригодятся для обороны, а костяной порошок — для удобрения полей.

Все застыли в изумлении. Это было слишком... не то чтобы жестоко, но слишком уж прагматично!

Го Эрмяо и Хань Юэ переглянулись. Глава клана Го нерешительно сказал:

— Господин, среди этих останков много бывших жителей нашего уезда, отцов и дедов нынешних горожан, а также воинов, защищавших нас от иноземных захватчиков. Сжечь их всех вместе с врагами, да ещё и использовать как удобрение...

— А ты можешь их различить? — спросил Еян Цы. — Если можешь, и у тебя есть на это время, я, конечно, тоже хотел бы похоронить их с почестями.

Го Эрмяо не нашёлся, что ответить.

— Испокон веков к мёртвым относились как к живым, — продолжал судья, — но живые всегда

важнее мёртвых. Подайте мне кисть!

Ли Тань тут же подал ему большую кисть из волчьей шерсти, обильно смоченную в туши. Еян Цы развернул бумагу и размашистыми движениями, словно летящий дракон, вывел два длинных столбца иероглифов. Его почерк был полон силы, а в каждом мазке чувствовалась неукротимая воля.

Закончив, он отложил кисть и приказал Го Сысяну:

— Повесь это на каменные столбы у входа.

Го Сысян взял свитки и, проявив чудеса ловкости, взобрался на столбы, закрепляя один край.

Он отпустил руку, и полотна развернулись, словно водопады. Справа было написано: «Кости героев, кости шакалов — слава и гибель былых веков, всё обратилось в прах». Слева: «Ветер в колосьях, запах пшеницы — кем бы ты ни был, отныне ты лишь весенняя земля».

Все, читая эти строки, похожие не то на парную надпись, не то на эпитафию, были глубоко тронуты.

— Да, слава и поражения — всё пустое. Раз уж умерли, какая разница, кто был кем?

— «Всё обратилось в прах», «лишь весенняя земля»... Пусть питают урожай и оберегают живых.

Го Эрмяо, поглаживая бороду, вздохнул:

— Я прожил долгую жизнь, но мне далеко до мудрости господина судьи... Пусть всё будет так, как он решил.

Еян Цы кивнул и обратился к Го Сысяну:

— Хань Хань на больничном, так что это дело я поручаю тебе. Дай мне посмотреть на твои способности.

Сяоци Го сложил руки в приветствии и громко ответил:

— Будьте уверены, господин уездный судья!

Еян Цы подозвал его поближе и тихо добавил:

— Когда ты попадешь на поле боя, там будут горы трупов и море крови, разрубленные тела — это куда страшнее, чем груды сухих костей. Считай это тренировкой для храбрости. И ещё, когда будешь сортировать оружие и доспехи, изучай их устройство. Нужно знать не только тактику, но и военное снаряжение. У Северной Стены есть метеоритное железо, их клинки невероятно прочны. Собирай этот хлам внимательно — может, со временем выплавишь себе достойное оружие.

Юноша, улыбаясь, посмотрел на него. В его глазах горел огонёк.

— Благодарю вас, господин. Я не подведу.

***

Неподалёку, у дороги, Цинь Шэнь отвёл пристальный взгляд от Еян Цы и опустил занавеску кареты. Внутри, с понурым видом, лежала рысь с намордником на морде.

Князь холодно хмыкнул и щёлкнул её по лбу.

— Бросалась на людей.

Ещё щелчок.

— Пыталась укусить.

И ещё один.

— Разозлилась и сбежала.

Он хотел щёлкнуть ещё раз, но, кажется, больше причин не было. После побега хищница убила только одного кролика и притащила его хозяину в знак примирения. Цинь Шэнь подумал и выдал последний щелбан.

— Везде от тебя шерсть!

Юйту обиженно зарычала. Не в силах открыть пасть, она издала лишь глухое урчание и принялась скрести когтями пол. Князь погладил её по лбу и шее, и та обхватила его руку лапами, подставляя пушистый живот.

— Обычно ты такая гордая, на руки не идёшь. А теперь прощения просишь.

Цинь Шэнь наклонился, чтобы обнять её, но вдруг замер, нахмурился и вздохнул. Подумав, он

принял решение. Высвободив руку, он стряхнул с одежды налипшую шерсть и сказал стражникам, ожидавшим снаружи:

— Пока подержите её у себя, почаще расчёсывайте. И ещё, найдите каменотёсов, пусть вырежут те две строки на столбах, покроют красным лаком и золотой краской. А свитки незаметно снимите, оформите как следует и доставьте мне.

***

Тан Шицзин в чёрной одежде и бамбуковой шляпе мчался верхом по тракту из Сяцзиня в Гаотан.

Перед отъездом он убедился, что гостем уездного судьи в гостинной был сам князь Гаотан, но так и не понял, почему тот вдруг приехал инкогнито. Насколько он знал, Еян Цы и Цинь Шэнь были едва знакомы, и их единственная частная встреча состоялась несколько дней назад, когда он сопровождал судью в княжескую резиденцию просить средств.

Всё, что последовало за этим, было крайне странным. Господин Еян сказал ему, что собрал пять тысяч лянов, а на деле привезли целых двадцать тысяч. Тот обмолвился, что заплатил за это некую цену, но не уточнил какую. Кроме того, судья объявил знати, что князь Гаотан пожертвовал пятнадцать тысяч, а он сам — пять.

За полгода наблюдения шпион убедился, что князь Гаотан — не тот человек, который внезапно проникается благотворительностью.

«Чьи же это были деньги? Откуда они взялись? Почему их так легко отдали Сяцзиню? И какие на самом деле отношения связывают князя Гаотана и уездного судью?»

Ветер хлестал Тан Шицзина по лицу, края его маски трепетали. Он натянул шляпу пониже.

Через час с небольшим он прибыл в окружной город. Стемнело, и ворота уже были закрыты. Всадник остановился у одной из угловых башен и, проделав сложную серию свистов, дождался, пока ворота осторожно приоткрылись. Он вместе с конём проскользнул внутрь.

— Вчера стражники из резиденции князя Гаотана небольшими группами покинули город в обычной охотничьей одежде. Куда они направились — неизвестно, — прошептал солдат, открывший ворота.

Тан Шицзин, скрываясь в тени, кивнул.

— А что внутри самой резиденции?

Солдат виновато опустил голову.

— Не удалось узнать. Князь Гаотан держит слуг в ежовых рукавицах, никто лишнего не болтает. В резиденции полно чутких собак, и даже лучшие наши люди не смогли проникнуть внутрь незамеченными.

— Значит, за последние полгода, кроме того, что он вёл затворнический образ жизни, изредка выезжал на охоту и привёз двух охотниц с ребёнком, больше ничего не происходило?

— Ничего... Жизнь князя Гаотана так скучна, он даже в бордели и трактиры не ходит, — солдат презрительно скривился. — Господин, простите за прямоту, но жить так уныло, даже будучи цзюньваном — какой в этом смысл?

Тан Шицзин подумал и приказал:

— Пусть остальные продолжают наблюдение.

— Слушаюсь.

Тан Шицзин подъехал к резиденции князя Гаотана и, объехав её, у задних ворот заметил глубокие следы от колёс.

В последние дни часто шли дожди, и только тяжёлые повозки могли оставить такие рытвины. Судя по направлению следов и отпечатков копыт, они постоянно въезжали и выезжали. Что они перевозили, оставалось загадкой.

Тан Шицзин присел на корточки и, изучая подсохшие колеи, заметил, что земля в них темнее, чем вокруг. Он отломил кусочек и понюхал — слабый, гнилостный запах крови, но не человеческой.

Он попробовал крошечный комочек пропитанной кровью почвы и тут же выплюнул. Кровь оленя или марала. Знатные вельможи в столице считали её эликсиром молодости и здоровья, привычка пить свежую оленью кровь стала там настоящим поветрием. Но олени, которых добывал Цинь Шэнь, скорее всего, шли на корм его рыси и собакам. С этой стороны в повозках не было ничего подозрительного.

Тан Шицзин встал и, оглядев величественные стены, решил рискнуть и проникнуть внутрь.

Чтобы собаки не учуяли его запах, он собрал неподалёку немного душистой травы, натёр соком одежду и бесшумно перелез через стену западного двора.

Проходя через галереи, во внутреннем дворике за живой изгородью он увидел двух служанок,

стиравших у колодка. Он спрятался в тени, чтобы обойти их, и услышал разговор.

Служанка в синем, усердностирая бельё, ворчала:

— Своё нижнее платье нам стирать не даёт, даже рваные тигриные башмачки наследника сама штопает. Старшая госпожа так добра к нам, совсем без гонора.

Служанка в розовом, поставив ведро со свежей водой, добавила:

— И вторая госпожа тоже славная. Хоть и плакса, но когда я цветы акации собирала и с дерева сорвалась, она меня на лету перехватила. Сразу видно, что из охотниц, силищи в руках — не чета нашим.

— Эх, и натерпелись же сёстры. Слышала, как они говорили, что в конце прошлого года, когда горы завалило, еда у них кончилась. Семь дней на одних проросших бататах сидели. Если бы наш князь не рискнул тогда в горы пойти за ними, не выжили бы они втроём.

— Князь наш — человек чести. Три года тайно искал их, и как только нашёл, сразу же забрал. В городе болтают, мол, любовницу завёл — брехня всё это. Обе госпожи в резиденции на правах хозяек живут. Я вижу, князь к ним очень хорошо относится.

— Хорошо-то хорошо, но как-то не хватает близости, не как у обычных супругов...

— Не как у супругов? А как же тогда? Как у матери с сыном, что ли?

Служанка в синем шлёпнула подругу мокрой рукой и со смехом выругалась:

— Перестань болтать! Совсем страх потеряла над хозяевами шутить. Смотри, за воротами держи язык за зубами, а то когда пороть будут, никто за тебя не заступится.

Тан Шицзин, поразмыслив, покинул своё укрытие. Его целью был центральный двор, где располагались главные покои, но не успел он приблизиться кворотам двора, как услышал шаги патруля и настороженное рычание собак.

Похоже, полностью скрыть запах не вышло. Тан Шицзин, не раздумывая, метнулся в заросли, быстро перелез через стену и, вскочив на коня, ускакал прочь.

Князь Гаотан был человеком замкнутым, держал в резиденции свирепых зверей, часто выезжал на охоту, в результате чего якобы обнаружил бывшую любовницу с незаконнорождённым сыном и забрал их к себе. С точки зрения логики всё выглядело безупречно.

Но Тан Шицзин всё равно чувствовал, что за этой историей что-то скрывается.

«Что будет, если доложить об этом малому князю Лу, Цинь Туаню? Отмахнётся он или, как и я, почувствует неладное и начнёт копать?»

Скорее всего, второе. Если бы Цинь Туань доверял своему третьему брату, он бы в прошлом году не подкупал цянху Гэ Ляо из Линьцина и не отправлял бы шпионов следить за каждым шагом Цинь Шэня.

Впрочем, Тан Шицзин в любом случае ничего не терял. Он был не прочь посмотреть, как два отпрыска императорской крови схлестнутся между собой, пусть хоть весь Дунчан перевернётся вверх дном. Чем сильнее буря, тем крупнее рыба. А если кругом тишь да благодать, то и выгоды никакой не сыскать.

Тан Шицзин прибыл на одну из явок в городе. Дежурный тайный агент, привыкший иметь дело с Фан Юэ, удивился его появлению.

— Господин, вы лично? Что-то срочное?

— Передай это секретное донесение в Ляочэн, лично в руки чжанши Цюй Цзину из резиденции князя Лу.

<http://bllate.org/book/15875/1439514>